

стов братец» (и ее малороссийский вариант), содержащую притчу о «луковке», которую Достоевский слышал в устном изложении, записал, полагая, что делает это «в первый раз», назвал «драгоценностью» и включил в роман «Братья Карамазовы»; одна из главок романа так и называется «Луковка». Рассказывает притчу грешная и inferнальная Грушенька, подающая Алеше в трудную минуту великого смущения «луковку», восстанавливающая его душу.

Легенда («басня») о злющей бабе и луковке сливается в романе с мистико-религиозной поэзией. Достоевский раздвигает рамки евангельского рассказа о чуде, сотворенном Христом («Кто любит людей, тот и радость их любит...» — вспоминает Алеша в вещем сне поучение Зосимы; напомним, что Толстой более всего ценил именно эти страницы «Братьев Карамазовых»), переносит туда, в Кану Галилейскую, лежащего в гробе старца. Зосима в символическом, вещем сне рукой приподнимает Алешу с колен: символический жест, «реальность» которого подчеркивается.

Исполнены высшего смысла слова старца в провидческом сне (эхо поучений и их продолжение); здесь вновь звучит главный мотив «басни»: «Веселимся (... ) пьем вино новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько гостей? Вот и жених и невеста, вот и премудрый архитриклин, вино новое пробует. Чего дивишься на меня? Я луковку подал, вот и я здесь. И многие здесь только по луковке подали, по одной только маленькой луковке... Что наши дела? И ты, тихий, и ты, кроткий мой мальчик, и ты сегодня луковку сумел подать алчущей. Начинай, милый, начинай, кроткий, дело свое!.. А видишь ли солнце наше, видишь ли ты его? (... ) Не бойся его. Страшен величием пред нами, ужасен высотой своею, но милостив бесконечно, нам из любви уподобился и веселится с нами, воду в вино превращает, чтобы не пресекалась радость гостей, новых гостей ждет, новых непрерывно зовет и уже на веки веков» (14, 327).

Мотив «луковки» в главе «Кана Галилейская» достигает кульминации, сливаясь с другими близкими по духу мотивами в мистико-религиозную поэму, «соавторами» которой являются рассказчик-биограф, Зосима, Алеша и Грушенька. В дальнейшем протягиваются нити от «Луковки» и «Каны Галилейской» к главе «Бред», к другому, совсем не евангельскому «пиру на весь мир», где сквозь чадные, хмельные, вульгарные звуки прорывается мелодия «басни», явственно перекликающаяся с мотивами апокрифа «Хождение Богородицы по мукам» в пересказе Ивана Карамазова и проникновенной молитвой Алеши. Вспоминает в пьяном «бреду» «луковку» и Грушенька, «прощающая» всех и у всех просящая прощение: «Завтра в монастырь, а сегодня попляшем. Я шалить хочу, добрые люди, ну и что ж такое, Бог простит. Кабы Богом была, всех бы людей простила: „Милые мои грешнички, с этого дня прощаю всех“. А я пойду прощения просить: „Простите, добрые люди, бабу глупую, вот что“. Зверь я, вот что. А молиться хочу. Я луковку подала. Злодейке такой, как я, молиться хочется! (... ) Все люди на свете хороши, все до единого. Хорошо на свете. Хоть и скверные мы, а хорошо на свете. Скверные мы и хорошие, и скверные и хорошие...» (14, 397).

Толстой по меньшей мере трижды читал первый том «Братьев Карамазовых», любил поучения Зосимы (и цитировал их, преследуя собственные учительские пропагандистские цели), видел во сне незадолго до ухода из Ясной Поляны героиню романа Грушеньку, но ничего не сказал о басне «Луковка». Дело тут, должно быть, не в противоположности религиозных интенций Толстого и Достоевского, а в разных углах зрения, разных акцентах, взаимодополняющих друг друга. И хотя, вполне вероятно, Толстой мог и не заметить сюжетного сходства притчи о луковке и истории разбойника Кандаты, поэтическую мысль Достоевского он, конечно, прекрасно понял.